

Как плачут христиане?

Протоиерей Алексей Сысоев,
клирик храма святых
первоверховных апостолов
Петра и Павла в Ясеневе

Плач Иеремии далеко выходит за рамки того конкретного исторического события — разрушения Иерусалима в 586 году, — которому он посвящен. Иеремия плачет как Божий пророк, и это надо ощутить; так мы получим верный ориентир для понимания этой горестной библейской книги. Книга Плач Иеремии не совсем о земной катастрофе, вернее, сама эта земная катастрофа переживается пророком как сакральное явление — как пронзительное поучение веры.

Иеремия плачет о гибели народа, который некогда перед лицом всего мира решился на подвиг — жить во имя Господне, выступать под знаменем единого для всех Бога. Теперь же этот народ уничижен, оказался в глубочайшем беславии. И пророк не столько стонет о страдании человеческом, сколько о том, что поругано имя Божие, что цвет человечества в плену у нечестивых. Сердце Иеремии разрывается перед лицом всеобщего страшного разочарования. Как такое вообще могло случиться? Почему Бог, покровительствующий иудейскому народу, выведший его из египетского рабства, теперь не защитил, оставил на поругание? Вопрос этот для Иеремии

центральный и самый мучительный, но и ответ он находит совсем не плоско-человеческий. Повторюсь: он мыслит как пророк.

Иеремия обращается к своим соплеменникам; он ищет их и не находит, но не потому, что они в плену. Нет, народа Божия не стало задолго до падения Иерусалима под ударами Навуходоносора. Он уже растворился в чужом, в противном Богу — в чужих традициях, в чужих ценностях, — рассеялся, утратил свое лицо. А потому Иеремия на всеобщее разочарование иудеев отвечает так:

**Ибо Он* не по изволению сердца
Своего наказывает и огорчает сынов
человеческих. Но, когда попирают
ногами своими всех узников земли,
когда неправедно судят человека пред
лицем Всевышнего, когда притесняют
человека в деле его: разве не видит
Господь? Кто это говорит:
«и то бывает, чему Господь не повелел
быть»? Не от уст ли Всевышнего
происходит бедствие и благополучие?
Зачем сетует человек живущий?
всякий сетуй на грехи свои**

(Плач 3:33–39).

Эти слова напрямую обращены к каждому из нас. Но что еще важно — пророк, переживающий вместе со своим народом катастрофу, этими словами купирует все возможности для уныния и отчаяния, свидетельствуя о глубочайшем откры-

* То есть Бог. — *Ред.*

вении: и жизнь, и смерть — в руках Божьих. Когда человек забывает об этом, мир сотрясается скорбями.

Мы, христиане, говорит нам пророк, не имеем право жить обывательски. Игнорируя это, мы сами же начинаем разрушать фундамент, на котором стоим, как разрушили его иудеи. Каждый наш поступок и каждое наше слово напрямую воздействует на этот мир, на его бытие. Всякий раз, когда мы лжем, воруем, лицемерим, то в этот самый момент как бы перестаем существовать, соскальзываем в жуть небытия, становимся подсудными, закручивая вихрь очередной катастрофы.

Помню, когда я был в Китае, то увидел там удивительный сувенир — сосуд, перевязанный посередине веревкой. Если начать наливать в него масло, то в какой-то момент, когда оно заполнит сосуд до середины, он перевернется и все выльется наружу. Такова механика человеческих катастроф: они запускаются нашим же обывательским малодушием, попустительством, нежеланием мыслить и страдать вместе со Христом. Когда мера утрачена и наша неправда стала избыточной, над человечеством свершается суд.

И наоборот, как только обыватель в человеке преодолевается, когда он, скажем, мог бы солгать, но не солгал, то в этот самый момент, по словам Христа, он наследует землю, правит ею, становится, как писал апостол Петр, частью *рода избранного, царственного священства* (1 Пет 2:9). Мир в этом поступке вокруг него выстраивается, концентрируется, поднимается на новую, качественную ступень. Предание Церкви постоянно говорит нам, что на праведниках зиждется весь мир; их подвиг — основа мирского благосостояния. «Спасись сам, и тысячи вокруг тебя спасутся», — говорил преподобный Серафим Саровский.

И хочется в связи с этим сказать, что среди верующих сегодня часто встречается вредная, просто опасная, на мой взгляд, позиция: я грешник — и точка. Все, что я знаю, это то, что Христос пришел грешников спасти «от них же первый есмь аз», и так — всю жизнь одно и то же, с надеждой, что «там» уж как-нибудь пронесет, авось смолотятся. Но этого мало для того, чтобы быть подлинным христианином.

Достаточно ли сделать первый шаг и на этом остановиться? Разве может человек, как бы

почиющий грешник, быть согласно призванию, свободным? Быть, по слову апостола, «царственным священством»? Нет, не может. Более того, такой установкой он сам отсекает от себя Христа.

Христианин — это не тот, кто знает, что он грешен. Христианин — это тот, кто, веруя, умерший греху в водах Святого Крещения, теперь Богови живет; живет умом Христовым, Его чувством и, пребывая в мире неприметно, но властно, правит делами этого мира. Он — *соль земли*.

В этом — вся значимость Книги Плач Иеремии для нас: мы должны жить только во имя Господне, иначе нас настигнет то же, что настигло иудейский народ много веков назад.

А как плачут или должны плакать христианине? Так же, как ветхозаветный пророк? Нет, уже не так, потому что мы находимся в совершенно новом положении по отношению к праведникам дохристианской эпохи и должны постоянно об этом помнить.

Апостол Павел в своем Послании к Римлянам, говоря о положении ветхозаветного человека, писал, что с появлением закона, данного Богом на горе Синай, появился и грех: *Ибо, когда мы жили по плоти, тогда страсти греховные, обнаруживаемые законом, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти* (Рим 7:5). То есть в законе грех человека высвечивается и обличается, и в этом — весь ветхозаветный плач. Реальность греха во мне через закон обнаружена, но избавиться от этой реальности я никак не могу. Потому все в Ветхом Завете пронизано терпеливым ожиданием Того, Кто преодолет закон и даст человеку свободу, Кто снимет с него все его неправды.

Теперь же грех полностью смывается с человека в Крещении; Христос бывшее делает не бывшим. И, как писал преподобный Иоанн Лествичник, нам открывается совершенно иной плач — радостотворный, приносящий особую, внутреннюю радость. Свяtitель Феофан Затворник сравнивал его с тем состоянием, которое мы испытываем, «увидавшись с родными после долгой разлуки: и радостно и жалостливо, — слезы текут».

В нем мы переживаем возвращение к самим себе настоящим, подлинным, начинаем видеть мир, как Христос. Тогда слезы радости, умиления и глубочайшего сострадания всему застилают наши глаза.

В этом плаче уже нет той, ветхозаветной безутешности, нет ужаса осознания неизбежности своей неправды. Радостотворный плач, как пишет архимандрит Софроний (Сахаров), дается человеку Духом Святым: «Он вызывается прикосновением к нам Духа Божия. Он посетил <...> сердце исполнил нетленною любовью, ум же поразил новым видением <...> Он дух наш восхитил в сферы нетварного бытия. Огонь Гефсиманской молитвы — сострадания всему страждущему тварному миру — приблизился к нашему хрупкому существу, и сие последнее целиком отдалось власти посетившей его Любви. Таким плачем плакали Апостолы и наши Отцы, воспринявшие небесное благословение. Огонь сей брошен на землю наших сердец Самим Христом». **✠**

Подготовил Тихон Сысоев
Рисунки Наталии Кондратовой